

Менее известная - 1939 - 195 - 23 марта - с 24.

Глеб Скороходов

ВАРИАНТ ПЕРВЫЙ: ПРОСТОДУШНО- НАИВНЫЙ

Глеб Скороходов «В поисках утраченного» специализируется на шедеврах советского кино. И в основном на звездах старшего поколения. Автору по большей части удаются те передачи, где его героями становятся не про-

сто актеры и актрисы с именами и званиями, но с мифологическими типами. Как, например, Петр Олейников, Людмила Смирнова, Николай Крючков.

Советское кино сталинской поры было предельно мифологизированным. Артисты, играя свои роли, выполняли еще и некую презентационную функцию: они олицетворяли определенные слои строго дифференцированного и классового и партийно-кастового отношения населения. Крючков — парень из нашего города, Олейников — герой предместий, Орлова — городская невеста, Надиашкина — колхозница... И т.д.

Система актерских шедевров сталинской поры была своего рода языком, на котором понимали друг друга огромные массы людей на огромных просторах шестой части суши. Актеры были шедеврами в той мере, в какой их персонажи становились общенациональными знаменателями чего-либо: женственности, мужественности, самоотверженности, душевной открытости... Поэтому они в какой-то мере и стали историко-мифологическими персонажами, сладостные воспоминания о которых и о былой идеальной однородности еще не до конца выветрились из памяти народной. Вот на этих мотивах и играет ведущий программы «В поисках утраченного» Глеб Скороходов.

Делает он это вполне искренне, с полной душевной отдачей, стараясь быть предельно деликатным по отношению к тому средству, что отсылает его вокруг артиста. Более того, без придыхания он и не приближается к своему предмету. Благополучно, заходит шуткой мифа об артисте и изображает в лицах его разговоры с поклонниками, домогательствами и высокими начальниками, с сочувствием живописует драму обожания, с состраданием трагедия забвения...

Если говорить об образе ведущего в программе Скороходова, то это образ конфидента, как

Происки утраченного

ОБОЗРЕНИЕ

Наше недавнее застойно-советское прошлое, судя по телерепертуару, просто нарасхват. Но по-разному.

выглядел бы Достоевский, то есть человека, кому герой способен довериться и даже познакомиться и который не допускает даже и тени сомнения относительно субъективной правоты своего кумира.

Такого рода передачи по своему необходимы. Они играют роль эмоциональной опоры для достаточно широкого круга зрителей.

Глеб Скороходов — конфидент Григорий Гурвич — массовик-затейник «Старая квартира», передача, которую он ведет, — это игра с прошлым и с настоящим.

Виктор Славкин

ВАРИАНТ ВТОРОЙ: ИГРАЕМ В НОСТАЛЬГИЮ

«Старая квартира» (ведет известный драматург Виктор Славкин) ведет летоисчисление с 1946 года и добралась уже до 1951-го. Рефлексия по поводу недавнего исторического прошлого претворена в игровую форму. На сцене что-то вроде коммуналки в разрезе, в зале бывшие обитатели коммуналок — популярные артисты, звезды телевидения, знаменитые в прошлом футболисты, известные некогда писатели и поэты. Каждый выпуск — сеанс коллективной ностальгии по минувшему с киноиллюстрациями, а также с воспоминаниями о бытовых подробностях, о впечатлениях мрачных и радужных, забавных и трагических...

Это уже не просто самолюбивое погружение в прошлое, но определенное переосмысление его, диалог с прошлым... Тут сверхзадача: соткать нечто вроде нити, соединяющей нынешний день с минувшим временем той, что вроде бы безнадежно порвалась в 91-ом.

Показывалась «нитка» на втором канале, на НТВ сочинился проект с аналогичной сверхзадачей.

Леонид Парфенов

ВАРИАНТ ТРЕТИЙ: ПРОШЛОЕ КАК АТТРАКЦИОН

Новые «Намедни» Леонида Парфенова (одного из авторов «Старых песен о главном», к слову сказать) по идейной концепции и художественному замыслу программы пересекаются со «Старой квартирой».

«Намедни» повел свое летоисчисление от 1961 года. Это был октябрь. Развязкой будет 1991-й год августовского путча и великого перелома.

О приколах игры Леонида Парфенова («прошлое» можно легко догадаться уже по самым первым выпускам). Это своего рода аттракцион — «колесо обозрения»: зрители с высоты сегодняшнего исторического знания рассматривают достопримечательности былого — моду на туфельку-шпильку, воспоминание о триумфе Гитарина, об увлечении Кубой и Кастро...

Сверху все эти исторические события и обстоятельства кажутся такими маленькими и забавными. Над ними склоняется пронырливый Леонид Парфенов. Их можно потрогать, ими можно похвастаться... На его месте каждый смертный поневоле почувствует себя Воландом, парящим над недавним прошлым... С ним парит команда комментаторов: Егор Гайдар (кот Бегемот), Сергей Караганов (Коронька)... В команде даже есть Гелла — это стилистая и отчасти манерная сценаристка Рената Литвинова.

Ведущий исторических «Намедней» повелевает и демиург времени. Он может потрогать себе в порядке шутки непосредственно прикоснуться к отражаемому событию. Например, повернуть фигурал Бритской ГЭС, постоять на трибуне, с которой Хрущев призывал делегатов очередного партийного съезда: «За работу, товарищи!»

Это и многое другое сделано на улыбку. Что

понятно. История у нас слишком долгие годы была сугубо казенной дисциплиной. Умопомрачительно серьезной. Сейчас архивы общественной памяти приоткрылись, одомашниваются.

Но не всегда это делается с легким сердцем и в жанре репортажа или в форме шутки.

Едуард Радзинский

ВАРИАНТ ЧЕТВЕРТЫЙ: ПРОШЛОЕ КАК ТРИЛЛЕР

На минувшей неделе Едуард Радзинский завершил показ своего сталинского цикла. Последние четыре передачи оказались объединенными под общим названием «Предсказание Сталина». Само предсказание вождя, состоявшее в том, что

как следует из Радзинского, состояло в том, что вождь вернется.

Оно почти сбылось. Во первых, повествование о парастании спроса на диктатора.

Во вторых, он вернулся и представил перед зрителем в повествовании Радзинского как живой.

Хотя автор предпочитает свое исследование как историко-архивное, на самом деле оно абсолютно бестриллерное. И представляется оно убедительным не потому, что рассказчик часто между прочим роется: «Я читал это в архиве...» Или: «Я видел эти письма...» Но потому, что факты и обстоятельства собраны и изложены ХУДОЖЕСТВЕННО.

К нам на этих днях по случаю очередной годовщины смерти реального Сталина вернулся художественный Сталин — образ, надо сказать, устрашающий в изложении и исполнении Едуарда Радзинского. Получился исторический триллер, тем более конмарный, что он имеет некоторые шансы воплотиться в реальности. Недаром сам автор, рассказывая о Сталине, так много и перипетически — то была такая форма защиты от страха. Как у ребенка в комнате ужасов.

Кому-то кажется, что после 91-го у нас порвалась связь времен... Кому-то — что она, напротив, переориентировалась... Что мы до сих пор заколдованным кровом оптимистическим прошлым. И потому поиски утраченного могут обернуться его прояснением.

Юрий БОГОМОЛОВ

10-23.03.94

Развлекательный журнал